

Аксютин Юрий Михайлович, Верещагина Елена Александровна

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ НАДЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Авторами представлены обзор подходов и анализ специфики функционирования макросоциальной надэтнической идентичности. Делается вывод, что надэтническая идентичность жителей Южной Сибири в условиях усиления трендов традиционализма и глобализации редуцируется к этнической идентичности. Однако обладая социокультурной природой, этническая идентичность не препятствует интеграции и формированию гражданской надэтнической идентичности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 21-23. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101.1; 316.77

Философские науки

Авторами представлены обзор подходов и анализ специфики функционирования макросоциальной надэтнической идентичности. Делается вывод, что надэтническая идентичность жителей Южной Сибири в условиях усиления трендов традиционализма и глобализации редуцируется к этнической идентичности. Однако обладая социокультурной природой, этническая идентичность не препятствует интеграции и формированию гражданской надэтнической идентичности.

Ключевые слова и фразы: макросоциальная идентичность; надэтническая идентичность; модернизация; традиционализм; конфликт.

Аксютин Юрий Михайлович, к. филос. н.

Верещагина Елена Александровна, к. соц. н.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

aksutum@mail.ru; vereschaginaea@mail.ru

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ НАДЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ[©]

При поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (соглашение: 14.В37.21.0511).

Одна из примет времени современной постсоветской России – мощное продвижение термина «надэтническая идентичность» не только в научный оборот, но и в общественную жизнь. Его используют в повседневной практике; им оперируют при выработке управленческих решений чиновники. Интерес ученых и общественности к проблемам формирования, функционирования и развития надэтнической идентичности обусловлен рядом факторов. Во-первых, надэтническая идентичность включает в себя социальные позиции и во многом предопределяет характер поведения человека, позволяет прогнозировать его реакцию на политические, социальные, культурные явления. Во-вторых, в современном российском социуме происходят процессы трансформации сложившихся ранее, формирования новых или ревитализации исчезнувших идентичностей [1, с. 108-110]. Декларативно поддерживая демократические принципы социально-политического устройства, идею построения надэтнического гражданского общества, в то же время российские граждане склонны в определенной степени к традиционализму, поиску оснований идентичности в этническом прошлом. Противоречивый характер идентичности часто становится основой для конфликтов на почве несовпадений: индивидуалистической модели посттрадиционного периода развития социума и коллективистско-этатистских ценностных ориентаций, характерных для традиционного общества [2, с. 16].

В таком контексте становится очевидной значимость анализа природы и специфики функционирования макросоциальной надэтнической идентичности в условиях усиления трендов традиционализма и глобализации. Это особенно актуально в регионах, где представители разных этносов, отличающихся социокультурных идентичностей взаимодействуют непосредственно.

Какова сущностная характеристика макросоциальной надэтнической идентичности? Действительно ли происходит традиционализация идентичностей, выступающих фактором эскалации конфликтов на основе ценностно-идентификационных различий, или мы имеем дело с объективным процессом становления новой надэтнической гражданской идентичности? Эти вопросы составляют предмет нашего анализа.

Прежде чем осуществлять анализ современного состояния и специфики идентификационных процессов в постсоветской России в целом и отдельных регионах в частности, следует обратиться к проблеме методов исследования макросоциальной надэтнической идентичности, поскольку необходимо понять сущность и содержание рассматриваемого феномена.

В отечественной научной традиции вплоть до недавнего времени понятие «идентичность» практически не использовалось. Его появление связывается с процессами конца 1980-х гг., когда пришедший из западной научной мысли термин «идентичность» начинает вбирать в себя содержание традиционных для отечественной гуманитаристики понятий «самосознание», «самоопределение», «национальный характер». Тем не менее, опыт осмысления идентичности имеет давнюю историю. «От Платона и Аристотеля до наших дней идентичность есть характеристика бытия, более фундаментальная, чем различие» [4, с. 81]. Представив идентичность как внутреннюю тождественность и культурно-историческую непрерывность личности, Э. Эриксон обеспечил возможность ее использования как категории междисциплинарного знания [7].

Важной особенностью исследований социальной идентичности является анализ внутренней структуры, типов идентичности. Социальная идентичность, по мнению Л. М. Дробизевой, включает следующие компоненты: «самоидентификация, представления о своей группе («образ мы») и интересы, которые связывают эмоционально окрашенное отношение к таким образам с поведением людей и групп. В «образ мы» включаются

автостереотипы (представления о себе), которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представлениями о других), а также представления о культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности» [3, с. 336]. Исследователями выделяются микро- и макросоциальные уровни социальной идентификации: «группы непосредственного, контактного общения» и «символические сообщества», «примордиальные (традиционные) сообщества», «этно-национальные сообщества» и «современные сообщества», «граждане данного государства или сообщества государств» [8, с. 158-181].

Макросоциальная идентичность как тип социальной идентичности в представленном исследовании рассматривается как осознание тождества человека с макросоциальной общностью, предполагающее признание детерминант этого общества (ценностей, идей, стереотипов, сценариев поведения и моделей действия). В содержательном отношении макросоциальная идентичность, детерминируя формирование единого социокультурного пространства, выступает регулятором поведения человека, фильтром принимаемых им ценностно-идентификационных концептов.

Проблема анализа специфики формирования и современных процессов трансформации и функционирования макросоциальной надэтнической идентичности привлекает внимание многих исследователей. Вместе с тем данная тема до сих пор остается актуальной. В силу обширности проблемы за границами внимания исследователей остаются целые тематические пласты. В частности, слабоизученными остаются вопросы социально-психологической специфики надэтнической идентичности в региональном аспекте.

Сущность макросоциальной надэтнической идентичности заключается в присутствии, с одной стороны, трансиндивидуальной культуры, ценностей, идей; с другой – этничности – этнической идентичности, благодаря которой происходит квалификация того или иного человека как представителя этнической культуры и традиций [5, с. 26]. Модели поведения членов социума трансформируются в зависимости от идентичности. Другими словами, актуальная идентичность выступает механизмом конструирования социокультурных моделей поведения, детерминирует формы массового сознания. В таком контексте трансформация макросоциальной идентичности является следствием диссонанса объективных поведенческих актов и требований социокультурной системы. Идентификация, имеющая объективное выражение в социокультурных институтах, может быть утрачена по причине личностных трансформаций или изменений социокультурной среды.

С целью изучения специфики трансформации надэтнической идентичности в 2013 г. в республиках Тыва (N=290), Хакасия (N=520) и Алтай (N=190) было осуществлено эмпирическое исследование методом формализованного интервьюирования с применением квотной выборки (пропорционально численности жителей и с учетом половозрастных распределений).

Поскольку поселенческая самоидентификация жителей регионов выступает важнейшим аспектом надэтнической идентификации, выяснению специфики этого элемента идентичности жителей региона уделено особое внимание. Анализ результатов исследования продемонстрировал, что жители республик Хакасия (32,3%) и Алтай (41,1%) идентифицируют себя больше жителями России, нежели своей республики (в Хакасии – 20,4%, на Алтае – 16,8%). В равной степени идентифицируют себя жителями России и республики в Тыве (российская идентичность – 26,6%, республиканская – 27,2%). Общерегionalная самоидентификация жителей актуальна менее чем для четверти населения региона, при этом у жителей Тывы (3,1%) и Алтая (6,8%) этот уровень заметно ниже, чем у жителей Республики Хакасия (18,7%). Напрашивается вывод, что у жителей Тывы и Хакасии сильно «чувство малой родины», которое успешно конкурирует с гражданско-государственной идентичностью. Можно сказать, что среди жителей этих двух сибирских республик превалирует поселенческая идентификация с «малой родиной»; при этом люди, населяющие любые иные социальные пространства, вероятно, воспринимаются как «далёкие» и «другие», что может потенциально порождать некие социально-культурные, социально-психологические и политические трудности взаимопонимания.

Поскольку одной из характерных черт социума как общности является то, что он основан на внутренней дифференциации, каждый человек с рождения включается в состав различных групп. Значимым для него может оказаться не только членство в какой-либо реальной малой группе, но и в таких крупных общностях, как этнос [6, с. 9]. Этническая идентичность характерна и является определяющей только для каждого десятого (Хакасия – 7,5%, Алтай – 13,7%, Тыва – 14,1%) жителя региона, при этом ярче всего данный показатель выражен у респондентов, проживающих в Тыве, меньше этот компонент выражен у жителей Хакасии, что во многом объясняется историческими социально-демографическими процессами в этих республиках, длительностью и интенсивностью межэтнических контактов (Тыва в составе России с 1944 г.).

В целях лучшего понимания тенденций формирования идентичности жителей региона в условиях трансформационных процессов важно было выяснить, какова природа и состав факторов, определяющих надэтническую и этнонациональную идентичность. Было выяснено, что 24,7% опрошенных полагают россиянином того, кто «воспитан на русской культуре и считает ее своей». Обращает на себя внимание тот факт, что среди опрошенных почти каждый четвертый «увязывает» «российскость» и российское гражданство (23,2%). Не намного меньше тех, кто главным фактором, определяющим «российскость», называет «любовь к России» (19,6%) и тех, для кого россиянин тот, кто сам считает себя россиянином (19,5%). Для 3,1% «российскость» определяется знанием русского языка, а для 1,5% – принадлежностью к православной вере. Важно отметить, что доля респондентов, которые считают россиянами тех, у кого «родители русские», составляет 6,5%. Другими словами, очевидно, что все эти варианты ответов носят скорее культурно-антропологический характер, чем биологический.

Тех, кто главным фактором, определяющим «национальность», называет «мои родители (один из родителей) относятся к этой национальности», – большинство (50,5%) по сравнению с другими вариантами ответов. Однако немало и тех, кто продемонстрировал наличие идентичности на основе рефлексивного самосознания (13,3%), самоотнесения с историей и культурой (18,5%), языком (15,3%). Затруднились ответить 1,6% респондентов, что свидетельствует о значимости этнокультурной идентичности в системе ценностей жителей исследуемого региона.

Также нами были исследованы мотивы и следствия психологического дистанцирования; наиболее близкой для респондентов оказалась категория «граждане России», при этом этническая принадлежность не конкретизировалась (46,5%). Категории «земляки» (33,4%) и «жители Вашей республики» (27,3%) несколько уступают, но расположены в непосредственной близости, что также свидетельствует об их значимости для респондентов. Самыми «удалёнными» категориями оказались «люди одной веры» (5,7%) и «люди того же достатка, что и я» (16,9%). Эти показатели могут свидетельствовать об отрицательной идентификации и, возможно, стремлении дистанцироваться от таких социальных групп.

Подводя итоги, следует отметить, что, являясь базовым элементом субъективной реальности, различные типы идентичности обусловлены социокультурным контекстом и актуальны в разной степени. С исчезновением советской надэтнической идентичности возникли условия для формирования новых идентичностей как на групповом, так и на индивидуальном уровнях. Надэтническая идентичность как тип макросоциальной идентичности, составлявшая ядро культурного своеобразия российского социума на самом продолжительном этапе его истории, сегодня редуцируется к этнической идентичности. Однако этническая идентичность граждан постсоветской России обладает социокультурной (альтернативной традиционалистской) природой и структурными характеристиками, не препятствующими ее интеграции в надэтнические системы.

Список литературы

1. Аксютин Ю. М. Между традиционализацией и модернизмом: идентичность и специфика межкультурной коммуникации (на примере Хакасии) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. Специальный выпуск по материалам декабрьских научных чтений. С. 108-112.
2. Аксютин Ю. М., Тышта Е. В. Трансформации надэтнической идентичности в условиях становления российского федерализма: региональный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27). Ч. II. С. 16-20.
3. Дробижеева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.
4. Малахов В. С. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001. 176 с.
5. Попов М. Е. Социокультурная идентичность советского человека: опыт формирования надэтнической общности // Толерантность и проблема идентичности: материалы международной научно-практической конференции: ежегодник Российского психологического общества / отв. ред. Н. И. Леонов. М. – Ижевск: Изд-во Российского психологического общества, 2002. Т. 9. Вып. 4. С. 26-32.
6. Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Социальное бессознательное. СПб.: Питер, 2005. 267 с.
7. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
8. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3-4. С. 158-181.

SOUTH SIBERIA INHABITANTS' SUPER-ETHNIC IDENTITY TRANSFORMATION SPECIFICS

Aksyutin Yurii Mikhailovich, Ph. D. in Philosophy
Vereshchagina Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Sociology
Khakass State University named after N. F. Katanov
aksutum@mail.ru; vereschaginaea@mail.ru

The authors present the review of approaches and the analysis of the specifics of macro-social super-ethnic identity functioning. The conclusion is made that the super-ethnic identity of South Siberia inhabitants is reduced to ethnic identity under the conditions of traditionalism and globalization trends intensification. But, having a social-cultural nature, ethnic identity does not prevent the integration and formation of civil super-ethnic identity.

Key words and phrases: macro-social identity; super-ethnic identity; modernization; traditionalism; conflict.